

СИЛЬНЕЕ ТВОИХ СТРАХОВ

18+

LI SI

Сильнее твоих страхов

<https://litres.ru/74662017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он приехал на завод, чтобы вырезать коррупцию как опухоль. Холодный, властный Монолит. А я была «серой мышкой», мечтавшей о переменах.

Две наши орбиты сошлись, и после этого столкновения никто не остался прежним.

Наша мышка будет избавлять от своих страхов и искать свое место под солнцем.

Милые, это моя первая книга, не судите строго#.

Но я буду бесконечно благодарна любую обратную связь

Содержание

Глава 1. Точка кипения	4
Глава 2. Траектория столкновения	7
Глава 3. Кабинет с секретом	11
Глава 4. Границы и тени	17
Глава 5. Пятничные призраки	24
Глава 6. Воскресные тени и запахи	31
Глава 7. Шаблоны и трещины	36
Глава 8. Секретный пассажир и мороженое на набережной	44
Глава 9. Шелк и пепел	51
Глава 10. Встречный ветер	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

LI SI

Сильнее твоих страхов

Глава 1. Точка кипения

Новый день — и я снова вступаю в молчаливый поединок с собственным отражением, стоя у себя в ванной. Вглядываюсь в черты лица, которые кажутся мне слишком привычными, почти стертыми. На губах застыла фраза, которую я, как мантру, выучила по советам популярных коучей:

— Меня ждет прекрасный день в окружении замечательных людей. Мне сопутствует только удача.

Я даже не знаю, верю ли сама в эти слова, но продолжаю повторять каждое утро, стоя перед зеркалом в своей маленькой ванной. Ремонт в этой квартире мы делали еще вдвоем с моими родителями, прямо перед их переездом в деревню. Они оставили ее мне и не появлялись здесь с тех пор. Уже десять лет они живут в соседнем регионе и, кажется, радуются своему выбору каждый день.

Мне тридцать три. Возраст, который я представляла себе иначе. В юности казалось, что к этому времени я буду уверенно носить шпильки и повелевать миром, но реальность облачила меня в серую юбку-карандаш и посадила за стол в отделе продаж Оптико-Механического Холдинга "Вектор".

Пять лет назад, в двадцать восемь, я еще пыталась бунтовать, но ближе к тридцати мой бунт стал тихим: я просто меняю хобби раз в месяц. Глиняные кувшины, картины маслом, кожаные портмоне... Вчера, глядя на очередное изделие, я вдруг осознала: я шью кошелек для мужчины, которого нет, в то время как настоящий мужчина в моей жизни — Вадим — появляется в моей спальне (или в своем кабинете) только тогда, когда ему это удобно.

Три года я была «понимающей». Три года я соглашалась на короткие встречи под гул заводских станков за стеной. Но вчерашний вечер без привычного бокала кьянти почти открыл мне глаза. Одиночество не лечится рукоделием. Оно лечится уважением к себе.

На заводе сейчас неспокойно. В отделе закупок — сердце предприятия — началась глобальная чистка. Старая гвардия, годами сидевшая на откатах, в панике разбегается, почуввав проверку с Управляющей компании. Там освободились места. Это риск: зарплата в закупках напрямую зависит от KPI, а я привыкла к стабильному, хоть и скромному окладу в отделе продаж. Основную часть спроса продуктов завода обеспечивает министерство обороны, поэтому «продажники» в большинстве своем просто следят за правильностью отгрузок согласно во время поступившим заявкам. Рвения в поиске новых «покупателей» не требуется. Возможно поэтому амбициозные ребята тут не задерживаются, да и в целом отделу свойственна текучка. После трех лет работы думаю

пришло и мое время. Оставаться здесь, в соседнем кабинете с Вадимом, оформлять бесконечные документы для продажи линз и прицелов на автомате, я больше не могу. Надоели одинаковые презентации от конференции к конференции, в которых иногда меняются только цифры.

Мне нужно личное пространство. Мне нужен кислород. Или даже глоток свежего воздуха.

Сегодня я решаю открыть для себя новые возможности.

Глава 2. Траектория столкновения

Коридоры административного корпуса холдинга «Вектор» всегда казались мне бесконечными лабиринтами из выцветшего линолеума и тяжелых дубовых дверей. В этот солнечный апрельский день я шла в сторону отдела кадров, чувствуя, как папка с заявлением холодит пальцы. Это был прыжок веры. Или прыжок в пропасть — смотря как посмотреть на мою затею сменить стабильный отдел продаж на «расстрельный» отдел закупок.

Навстречу, как назло, шел Вадим. В своем идеально сидящем костюме он выглядел здесь как инородное тело — слишком лощеный, слишком уверенный.

— Эрика, ко мне в обед. Обсудим исполнение плана по предыдущему месяцу, надо скорректировать план на будущий, — бросил он, даже не сбавляя шага, словно выдал распоряжение секретарше.

— Не получится, Вадим. У меня сегодня немного другие планы, — ответила я, глядя строго перед собой.

Он на секунду замер, явно не ожидая такого тона, повернул голову, когда я поравнялась с ним, и проследил за направлением моего движения, когда я уже завернула в кры-

ло отдела кадров. После я слышала только эмоциональный хлопок двери за спиной. Что ж, кажется он догадывается о моих планах на будущий месяц. Сердце колотилось в ритме отбойного молотка. Мне было одновременно страшно и любопытно. Я прекрасно понимала, что закупки для меня новая среда, но я всегда была достаточно исполнительницей, общительной, и умею системно мыслить, по крайней мере, я так думаю и очень надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы иметь успех в новом для меня направлении. Я прервала поток несвязных мыслей и последний раз глубоко вдохнула, пытаюсь себя немного успокоить. Так или иначе, это всего лишь попытка, еще никто не гарантирует принятия заявления новым руководством, учитывая, что отбор будет жестким. Ведь навряд ли на место нового директора отдела закупок поставят мягкого и доброго человека, после случившейся шумихи с предыдущим.

Около кабинета кадровиков было непривычно шумно. В этот момент дверь резко распахнулась. Я не успела затормозить, и мой мир буквально врезался во что-то твердое, пахнущее холодным можжевельником и чуть терпкой кожей.

Моя папка вылетела из рук, рассыпав листы прямо под ноги высокому мужчине в темно-синем пальто.

— Осторожнее, — сухо бросил он. Голос был низким, с едва уловимым акцентом, который делал каждое слово весомым, как свинец.

— Дверь можно было бы открывать и поаккуратнее, — огрызнулась я, приседая, чтобы собрать бумаги, не поднимая взгляда. — Как успеть среагировать на резко открывающуюся дверь?

— Умение реагировать и рассчитывать траекторию движения — базовые навыки взрослого человека, — заметил он — Особенно на оборонном предприятии.

Я сразу почувствовала давящую ауру и постеснялась поднять взгляд, это вполне в моем духе. Мне почему-то показалось, что у моего собеседника определенно должны быть очень темные, почти черные глаза и лицо человека, который привык, что ему уступают дорогу не из вежливости, а из страха. И что в данный момент он глядел на меня сверху вниз с холодным любопытством. Но все, что я действительно увидела это то, как начищенные до блеска туфли прошагали мимо меня, едва не наступив на моё заявление. А я уже смотрела ему в спину, чувствуя, как лицо заливают краска. Хам. Наглый, самодовольный, кудрявый хам.

Дрожащими руками я собрала бумаги и зашла в отдел кадров.

— Тамара Степановна, вот мое заявление на вакансию в закупки, — я положила листы перед кадровичкой. На заявлении четко отпечатался след его ботинка.

— Ох, Эрика, смелая ты, — вздохнула та, принимая документ. — Там сейчас такое творится... Нового начальника из Москвы прислали, говорят, лютый. Ну, оставляй, рассмотрим.

Весь вечер я провела как в тумане. Одинокий ужин, отсутствие вина, которое раньше помогало заглушить мысли о Вадиме и бессмысленности моей работы. Я смотрела на свои руки и думала: «Зачем я это сделала? Меня же там съедят». Но назад дороги не было. А чего мне бояться? Я всегда могу уволиться и найти совершенно другое место, что послужит сменой окружения, и возможно даже будет к лучшему.

Глава 3. Кабинет с секретом

Утро на работе началось с резкого звонка рабочего телефона.

— Эрика Львовна? Пройдите в триста двенадцатый кабинет на собеседование. Амир Русланович ждет, — голос секретарши был сухим и официальным, после которого услышала только гудки, при этом не успела сказать в ответ ни слова. Я ожидала, что мне сначала озвучат условия, на которые я должна согласиться, или хотя бы дадут немного времени подумать. Все происходило слишком быстро, и это меня заставляло ощущать некоторую нервозность.

Триста двенадцатый. Кабинет Пал Палыча, бывшего «короля закупок», которого уволили две недели назад с грандиозным скандалом.

Я подошла к массивным дверям из мореного дуба, поправила свою серую юбку, глубокого вздохнула и постучала. Войдя, я на мгновение опешила, задержав дыхание. Пал Палыч обожал роскошь: кабинет был обставлен с купеческим размахом — тяжелые бархатные шторы, огромный стол с малахитовой отделкой, массивные кожаные кресла, в которых можно было утонуть. Но сейчас эта роскошь казалась придавленной, усмиренной. На столе не было привычных хрустальных пепельниц и сувениров, только лаконичный ноут-

бук. За столом сидел он. Тот самый мужчина из коридора.

Я замерла в дверях, чувствуя, как немой крик застревает в горле. Сердце сделало кульбит и провалилось куда-то в район туфель. Я пыталась вспомнить, что я тогда наговорила ему.

— Вы Амир ... Русланович? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. Так и застыла, не успев сделать шаг внутрь кабинета.

Не узнать его было невозможно, все-таки на заводе работали в основном трудяги, которые не знали жизни без грязи под ногтями. А тут сидел ухоженный симпатичный атлетичный мужчина с широким разворотом плеч и густыми слегка вьющимися волосами. Он как будто казался слегка инородным в стенах этого мавзолея.

Амир Русланович медленно поднял голову от бумаг. В этом богатом интерьере он смотрелся еще внушительнее — как хищник, который занял чужую, более просторную территорию. Он откинулся в своем кресле, ощущая себя более чем комфортно, и кажется ни капли не был удивлен, разве что чуть прищурил глаза, как будто пытаясь вспомнить, где он мог меня видеть ранее. Сомневаюсь, что он запомнил рядового сотрудника, по документам которого прошелся практически как бульдозер. Но он сумел меня шокировать дважды:

— Траектория всё-таки привела вас ко мне, Эрика Львовна, — произнес он без тени улыбки, делая акцент на имени и отчестве. — Проходите, садитесь.

Я прошла к креслу, чувствуя себя так, словно иду на эшафот. Он долго молчал, изучая мое заявление. То самое, со следом своего ботинка.

— Три года в продажах, — наконец заговорил он, и его взгляд впился в меня, как скальпель. — Никакого опыта в снабжении. Вы понимаете, что я здесь не для того, чтобы обучать персонал азам? Моя задача — вычистить отсюда коррупцию и наладить бесперебойную работу. Почему я должен рискнуть и поставить на это место человека, который даже в коридоре не может разойтись со встречным потоком?

Внутри меня что-то щелкнуло. Страх сменился тем самым бунтарством, которое я так долго прятала под маской «скромной сотрудницы», сложилось ощущение, что он намеренно выводил меня на эмоции. Расправив плечи, я начала свою заранее заготовленную речь:

— Потому что я знаю этот завод лучше, чем любой привозной специалист, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пока старая гвардия здесь «осваивала бюджеты», я общалась с цехами. Я знаю, какой поставщик привозит брак, а какой задерживает сроки на месяц. Я знаю производство изнутри, много обменивалась информацией с сотруд-

никами других отделов. Если вы возьмете кого-то со стороны, он потратит полгода только на то, чтобы понять разницу между линзой и призмой. У вас есть эти полгода, Амир Русланович?

Он раскинул руки на подлокотники, и я увидела, как его пальцы непроизвольно сжались. Он явно не ожидал отпора от «серой мышки».

— Умение дерзить — это не профессиональный навык, — сухо заметил он. — В закупках нужны стальные нервы и умение выбивать скидки. Вы же выглядите так, будто боитесь попросить лишний кубик сахара в столовой.

Он бегло осмотрел меня, будто пытался оценить, с кем придется работать. Я снова разгладила несуществующие складки на юбке, пытаюсь унять нарастающую дрожь. Возможно, я когда-нибудь привыкну к такому наглому тону и смогу спокойно реагировать, но не сейчас. Сейчас же нервничала, потому что не хотела упустить шанс и при этом хотела быстрее завершить этот разговор, чтобы дать себе время прийти в себя, а возможно отказаться от своей идеи работать в отделе такого человека. Если я буду каждый раз испытывать стресс при общении со своим непосредственным руководителем, эта работа станет для меня адом.

— Мой внешний вид — это лишь удобный камуфляж, — отрезала я, глядя ему прямо в глаза. — Если вам нужен исполнитель, который знает каждую гайку на этом предприя-

тии — я здесь. Моя цель принести пользу отделу и вырасти в своих компетенциях. Опыт работы в отделе продаж показал, что я способна в короткие сроки освоиться в коллективе и настроить работу по своему профилю. Я уверена, что это мои основные положительные качества, которые помогут и отделу закупок при нынешней ситуации.

В кабинете повисла тяжелая пауза. Амир смотрел на меня так долго, что мне захотелось зажмуриться. Да, мне тяжело даются разговоры с напористыми собеседниками, и я часто тушуюсь, когда на меня давят. И особенно сложно мне убеждать кого-то в своей ценности, я сама-то в нее слабо верю.

Но после моего спича, он кажется взглянул на меня “по-другому”. А я с огромным усилием пыталась не отвести взгляд. Так я доказывала себе в первую очередь, что тоже чего-то да стою, не просто же так я добилась успехов на своем месте и уже продолжительное время работаю на заводе при условиях частой смены персонала. При том за все время наших взаимоотношений Вадим не разу не продвинул меня по карьерной лестнице, требовал полной отдачи в работе, поэтому все, чего добилась - исключительно мое личное достижение. Вадим то ли боялся, того что быстро вырасту, то ли не хотел, чтобы у окружающих возникли сомнения относительно характера наших взаимоотношений, в общем числе сотрудников не стремился меня выделять.

— Испытательный срок — один месяц, — наконец про-

изнес он. — Зарплата по КРІ. Если провалите хоть одну позицию по гособоронзаказу — увольняю без разговоров.

И снова мне не дали ни минуты на размышления. Зарплата по КРІ в новом отделе означала сильные финансовые потери. Я не знала, заработаю ли хоть что-то за этот месяц. Снова надо будет экономить до полной стабильности в зарплатке. Итак не позволяла себе лишнего, откладывая на черный день, который кажется уже наступил.

Он расписался на моем заявлении и подвинул мне лист.

— Идите в отдел кадров. С завтрашнего дня вы в моем подчинении. И, Эрика Львовна...

Я уже была у двери, когда его голос заставил меня обернуться.

— В закупках не терпят неуверенности. Ни в словах, ни в одежде. Завтра к обеду жду отчет по критическим остаткам стекла. Раз вы так хорошо знаете завод, это для вас не должно быть сложной задачей.

Я вышла в коридор, чувствуя, как по спине пробежал холодок. У меня до сих пор дрожали руки, но пыталась отогнать негативные мысли. У меня есть вечер на то, чтобы сто раз прокрутить этот десятиминутный диалог и разобрать все ошибки в сказанном. А сейчас я молча порадовалась. Я получила то, что хотела. Но почему-то казалось, что я только что вошла в клетку к тигру, и дверь за мной захлопнулась.

Глава 4. Границы и тени

После отдела кадров , в котором я провела еще меньше времени чем в кабинете Амира Руслановича (да, даже в своих мыслях я не могла назвать его просто по имени, такой авторитет он внушал), я лихорадочно собрала все свои вещи в коробку, чтобы не дать себе возможности передумать и отложила ее на край стола, чтобы утром прихватить на новое место. У меня уже была задача в рамках новой работы, которую нужно решить практически за полдня.

Вадима избегала намеренно, потому что не было сил на эмоциональные разговоры, я была выжата как лимон. Знала, что он не будет устраивать сцен на глазах у сотрудников, мы в целом никогда не ругались и не выясняли отношения. Мы ведь и не были никогда парой. Я конечно же надеялась на совместное будущее, но мы так ни разу и не обсудили, кем являемся друг другу по итогам трех лет "встреч между делом". Сейчас я понимаю, что я всегда была удобной опцией, которую он мог использовать в нужное для себя время. Даже не помню в какой момент, я перестала мечтать о нем, как о супруге. И была ли у него всего одна такая опция, ведь наши встречи были непостоянные. Но что-то мне подсказывало, что он все же будет уговаривать меня остаться. Возможно, я скрыто надеялась на это и не хотела разочаровываться, увидев безразличие в его глазах в момент, когда станет извест-

но, что я перехожу в другую сферу.

Вечером я перебирала свой шкаф в поисках того, что могло бы вписаться в условие “уверенный гардероб”, и удовлетворить потребностям нового директора. Долго примеряя свой скудный набор из офисной одежды, остановила свой выбор на темно-зеленом строгом платье с длинными рукавами и глухим воротником. Спасибо маме и спорту за то, что платья выгодно подчеркивают мою фигуру. При своем среднем росте и невыдающейся внешности у меня неплохо выделяющаяся пятая точка, за которую меня часто по-дружески любит ущипнуть Лиза, моя близкая подруга. Она каждый раз восхваляет форму и обещает начать ходить со мной в спортзал, но пока мы вместе посещаем только рестораны либо клуб, что тоже стало довольно редким явлением после того, как она стала мамой прекрасной маленькой хулиганки Вероники.

Безупречно отгладив платье, как на прием к министру, я повесила его на вешалку. Оставляю минимум задач на утренние сборы, чтобы успеть настроить себя на спокойный день. Но открыв глаза следующим утром я обнаружила, что должна выходить уже через 15 минут. Я всю ночь прокручивала в голове свой первый рабочий день в отделе закупок, из-за чего уснула только под утро и ожидаемо проспала. В голове выстроился план: умыться - одеться - перекусить. И на последнем рубеже авокадо с моего бутерброда решает внести свои коррективы в мой день, указывая что кушать в рабочей

одежде плохая идея. С чего я решила, что в ответственный день все пойдет по плану? И вот я наспех стягиваю первое попавшееся черное платье из трикотажной ткани с вешалки, переодеваюсь и пулей вылетаю к своей любимой старенькой Тайоте Ярис.

Первый рабочий день в отделе закупок начался не с кофе, а с ледяных взглядов. Когда я со своими пожитками с прошлого места вошла в кабинет — просторное помещение с рядами столов, заваленных чертежами и спецификациями, — разговоры мгновенно стихли. Здесь осталось всего двое сотрудников: те, кто либо был слишком честен для старых схем Пал Палыча, либо слишком осторожен.

— Доброе утро, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Тишина в ответ была почти осязаемой. Лишь одна женщина, лет пятидесяти, с жестким пучком седых волос, кивнула на пустой стол в углу.

— Твое место там. Компьютер еще не настроен. Амир Русланович просил зайти к нему ровно в восемь.

По холодному тону поняла, что разговаривала вчера с этой “милой” дамой, которую приняла за секретаршу.

Я присела на край стула, чувствуя себя лазутчиком в тылу врага. В этом отделе меня считали чужаком, которого привел новый босс.

Ровно в восемь я стояла перед дубовой дверью.

Амир Русланович не поднял головы, когда я вошла. Он что-то быстро печатал, и звук клавиш в тишине кабинета напоминал пулеметную очередь.

— Отчет, — коротко бросил он.

Я положила перед ним папку. Вчера я выписала все позиции по кварцевому стеклу, которые находились в «красной зоне». Не стала откладывать задачу на сегодняшний день. Амир Русланович был прав, она была простой, для человека который знает завод как свои пять пальцев. Все необходимое я нашла в программе, и даже не пришлось советоваться с коллегами.

Он пролистал листы за десять секунд. Его палец остановился на одной из строк.

— Поставщик «Оптик-Пром». Срыв сроков на две недели. Почему?

— У них сменился логист, — ответила я, заранее подготовив этот ответ. — И они пытаются пересмотреть цену контракта в одностороннем порядке.

— Исправьте это, — он наконец посмотрел на меня. Взгляд был холодным и требовательным. — Свяжитесь с их руководством. Либо они отгружают товар по старой цене завтра утром, либо мы подаем иск в арбитраж и вносим их в реестр недобросовестных поставщиков. Действуйте.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри всё сжимается. Это было не просто задание, это была проверка на «зубастость».

Весь день прошел в бесконечных звонках и спорах. К пяти часам вечера, когда мне всё-таки удалось дожать «Оптик-Пром», я чувствовала себя эмоционально истощенной. Но самое сложное ждало меня впереди.

Вадим ждал меня у лифта. Он выглядел как обычно: уверенный в своей привлекательности, слегка расслабленный. Мы никогда не афишировали наши отношения — на заводе не приветствовались служебные романы, особенно между топ-менеджментом и рядовыми сотрудниками. Но в тени лестничных пролетов или за закрытыми дверями его кабинета он вел себя как хозяин.

— Эрика, ты что, серьезно решила переметнуться к этому «варягу»? — он сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию до опасного предела.

— Это профессиональный рост, Вадим, — я попыталась отступить, но спина уперлась в холодную стену.

— Какой рост? В закупках сейчас полетят головы, — он протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были сухими и привычными, но вместо ожидаемого трепета я почувствовала лишь глухое раздражение. — Перестань играть в независимость. Я поговорю с кадрами, тебя вернут в продажи до конца дня.

Он наклонился, пытаясь поцеловать меня в шею, как делал это сотни раз. Раньше я бы растаяла, подчинилась его мягкому давлению, теша себя иллюзией, что нужна ему. Но сейчас я видела всё иначе. За три года Вадим ни разу не предложил мне ничего, кроме этих тайных встреч. Он не помог мне с карьерой, не познакомил с друзьями, не подарил даже надежды на что-то большее. Я была для него удобным аксессуаром, деталью интерьера его комфортной жизни.

Я мягко, но решительно уперлась ладонями в его грудь, отстраняясь.

— Нет, Вадим. Вечером ничего не будет. И завтра тоже.

Он нахмурился, в его глазах промелькнуло недоумение.

— Эрика, ты не в духе? ПМС? Что нашло на тебя?

— Я в порядке, — я наконец нашла в себе силы посмотреть ему прямо в глаза. — Просто я больше не хочу быть «в тени». Мне надоело это положение, надоел этот формат. Я

перешла в другой отдел не только ради работы. Я перешла, чтобы быть подальше от... этого.

— Ты с ума сошла, — он усмехнулся, явно не принимая мои слова всерьез. — Посмотрим, как ты запоешь, когда Амир выставит тебя на мороз. Прибежишь обратно. Но я приму тебя, не беспокойся.

— Возможно, — ответила я, поправляя сумку на плече. — Но это будет мой выбор.

Я развернулась и пошла в сторону своего отдела, не оборачиваясь. Сердце колотилось, в горле стоял ком — рвать привычные связи всегда больно, даже если они тянут тебя на дно.

Проходя мимо кабинета Амира, я заметила, что дверь приоткрыта. Он стоял у окна, заложив руки за спину. Прямая осанка, широкие плечи — он казался монолитом на фоне заката. На секунду наши взгляды встретились в отражении стекла. Он ничего не сказал, но мне показалось, что он видел всю сцену у лифта.

Этим вечером я впервые за долгое время не открыла приложение с вакансиями. Я открыла материал по госзакупкам. Моя работа над собой только начиналась.

Глава 5. Пятничные призраки

Пятница на «Векторе» всегда ощущалась как затишье перед бурей, но в отделе закупок буря уже бушевала вовсю. После того как половину сотрудников «попросили» уйти вслед за Пал Палычем, на оставшихся троих, включая меня, свалился такой объем работы, что стены кабинета казались тесными от скопившегося напряжения.

— Неплохо с «Оптик-Промом», — бросил Амир Русланович, когда я занесла ему подписанное дополнительное соглашение.

Он даже не поднял глаз от монитора. Это была самая сухая похвала в моей жизни, но внутри что-то предательски потеплело.

— Раз вы так хорошо разобрались в деталях, вот вам реестр контрагентов за прошлый год. Проверьте всех на соответствие новым требованиям безопасности. Каждого. И подготовьте тезисы для консилиума.

— Для консилиума? — переспросила я.

— Именно. В четыре часа общее совещание по реструктуризации нашего отдела. Управляющая компания хочет видеть не только мои отчеты, но и реальное положение дел «на

земле». Вы будете выступать со стороны практиков.

Весь день я провела в окружении цифр, ИНН и выписок. Амир Русланович сразу решил меня погрузить в работу, не давая времени на адаптацию. Работа закупщика в нынешних реалиях напоминала работу сапера: одна ошибка в документах — и контракт сорва. В какой-то момент, когда за окном разлилось золото яркого майского солнца, я поймала себя на мысли: «Зачем мне это? В продажах я бы уже пила чай. А здесь я тону в бумажной пыли под надзором ледяного татарина».

Совещание в четыре собрало весь свет холдинга. За длинным столом сидели директора направлений, включая Вадима. Амир, в идеально отглаженной белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, выглядел максимально собранным.

— Мы обсуждаем интеграцию новых протоколов закупок, — начал Амир холодным тоном. — Эрика Львовна, прошу, ваши выводы по дефицитным позициям.

Я встала, чувствуя на себе взгляд Вадима — снисходительный и немного насмешливый.

— Анализ показал, что 30% наших задержек связаны не с внешними факторами, а с тем, что отдел продаж подтверждает сроки отгрузки раньше, чем мы закупаем сырье, — четко произнесла я.

Вадим усмехнулся, крутя в пальцах дорогую ручку.

— Позвольте, Амир Русланович. Наша коллега всего два дня в новом кресле, а уже пытается учить отдел продаж работать. Может, стоит сначала научиться отличать спецификацию от накладной, а потом делать громкие заявления? Продажи — это кровь предприятия.

Амир медленно перевел взгляд на Вадима. В воздухе буквально затрещало электричество.

— Вадим Игоревич, — голос Амира стал еще тише, что было дурным знаком. — Если продажи — это кровь, то закупки — это сердце. А ваше сердце сейчас работает с аритмией из-за некомпетентного планирования. Эрика Львовна оперирует фактами из вашего же отдела. Вместо того, чтобы переходить на личности, я бы советовал вам пересмотреть систему заявок. Либо мы работаем в связке, либо ваш отдел будет объяснять министерству, почему приборы не отгружены в срок. Вопросы?

Вадим стиснул зубы так, что на скулах заиграли желваки. Он явно не ожидал, что «варяг» так жестко заступится за какую-то менеджершу.

— Вопросов нет. Продолжайте, — бросил он, уткнувшись в свой планшет.

Это было похоже на начало холодной войны. По крайней мере, Вадим точно мог воспринять ситуацию как конфликт.

После совещания я вышла из зала с одной мыслью: доползти до кровати. Но у судьбы в лице моей подруги Лизы были другие планы.

Через два часа мы уже сидели с ней в ресторанчике. Лиза, в ярко-зеленом платье, с аппетитом уплетала пасту. Она одна из немногих, кто пытается от жизни получить максимум удовольствия. Паста в десять вечера, почему бы и нет.

— Так, подруга, давай по порядку, — она помахала вилкой. — Твой новый босс — он реально такой страшный?

— Он как айсберг. Только вместо титаника он топит корупционеров.

— Красивый айсберг? — подмигнула она. — Знаешь, я слышала, у таких сухарей внутри обычно кипят страсти. Может, он по ночам поет татарские баллады и мечтает о нежной девушке в серой юбке?

— Скорее он мечтает о том, чтобы я выучила все коды ТН ВЭД наизусть, — вздохнула я, отпивая уже от второго по счету бокала апероля. — И он заставил меня сменить юбку. Сказал, что не потерпит неуверенности в гардеробе. Что это вообще значит?

— О! — Лиза рассмеялась. — Да он эстет! «Эрика, сними

это немедленно». Это же классика! А если серьезно, Эрик, ты молодец. Ты даже по голосу другая стала. Видно, что этот Амир тебя встряхнул.

Ближе к полуночи, после нескольких коктейлей и танцев уже в нашем любимом клубе «Атмосфера», когда мир стал казаться легким и понятным, телефон в сумке начал вибрировать.

Вадим: *«Где ты? Я у твоего подъезда».*

Вадим: *«Эрика, ответь. Нам нужно обсудить сегодняшний цирк на совещании».*

Когда он позвонил в третий раз, я вышла в холл клуба.

— Вадим, я отдыхаю. Не нужно меня караулить.

— Ты пьяна? — в его голосе послышались нотки собственника. — Снова в «Атмосфере»? Я сейчас буду. Жди.

Он приехал через двадцать минут. В расстегнутой у ворота рубашке, взволнованный.

— Поехали домой, Эрика, — он взял меня за руки. — Я погорячился на совещании. Давай забудем всё. Я тут подумал... может, нам и правда стоит съехаться? Я сниму квартиру побольше.

Это были слова, которые я мечтала услышать три года. Но почему-то сейчас они не отзывались внутри привычным тре-

петом. Вадим спохватился тогда, когда почувствовал, что я выхожу из под его контроля и перестаю быть управляемой. А я в противовес испытывала чувство облегчения, как будто сбрасывала груз, который несла долгое время.

— Лиза, я пройдусь с ним, — бросила я подруге, которая уже готовилась ехать домой к дочке. — Воздухом подышу.

Она всем взглядом давала понять, что это плохая идея. Но кто сдержит Эрику после пары бокалов апероля в ресторане и нескольких коктейлей в клубе? Именно поэтому мы никогда не напиваемся обе: если одна уходит в отрыв, то другая обязательно должна приглядывать, чтобы уберечь от совершения ошибок. Сегодня в роли спасателя была Лиза, но Вадим умеет быть убедительным, если захочет.

Через десять минут уговоров, мы уже шли с ним вдвоем по набережной. Майская ночь была изумительной.

— Мне было так больно всё это время, Вадим, — слова сами полились наружу. — Ты прятал меня. Ты никогда не поддерживал меня перед коллегами. Даже сегодня ты пытался меня унижить, чтобы выгородить свои продажи. Я хочу быть партнером, а не удобным вариантом для секса по четвергам...

Я говорила и говорила, выплескивая всё, что копилось годами. Я хотела, чтобы он услышал. Но чем больше я говорила, тем сильнее чувствовала, как его рука на моем плече

становится безжизненной.

— Послушай, — он вдруг остановился. Его лицо стало раздраженным. — Я приехал мириться, а не слушать лекцию по психоанализу. Я думал, мы поедем ко мне и нормально проведем время, а ты выносишь мозг. Либо мы закрываем тему и едем, либо я умываю руки. У меня завтра важная встреча, я не готов к ночным разборкам.

Он просто махнул рукой проезжавшему такси.

— Доедешь сама? Наличных нет, переведу на карту. Спокойной ночи, Эрика.

Дверь такси захлопнулась. Я осталась стоять одна на пустой набережной. Холодный ветер с реки мгновенно выветрил остатки хмеля.

Придя домой, я достала из холодильника бутылку вина, налила полный стакан и выпила его, глядя в окно на спящий город. Горько. Но эта горечь была целебной.

В три часа ночи я достала телефон и заблокировала его номер.

«Работа над собой началась», — подумала я. — «И первый этап — ампутация лишнего».

Глава 6. Воскресные тени и запахи

Субботу я провела в состоянии, которое поэтично называют «душевым очищением», а прозаично — тяжелым похмельем. Мобильный, в котором больше не всплывали сообщения от Вадима, казался на удивление легким. Я спала, пила минералку и смотрела в потолок, переваривая ночной инцидент на набережной. Внутри выжгло всё лишнее, и на этом пепелище неожиданно проросла одна четкая мысль: я должна доказать Амиру, что он не ошибся. И самой себе — что я стою большего, чем просто роль «удобной женщины».

В воскресенье я проснулась с диким желанием работать. Реестр контрагентов, который он подсунил мне в пятницу, был закончен лишь на треть. Оставлять «хвосты» на понедельник означало снова выглядеть в его глазах слабой.

Я собралась быстро. Никаких серых юбок. Узкие темно-синие джоггеры и простая белая футболка из плотного хлопка, которая сидела слишком плотно, подчеркивая и линию талии, и то, что я всё-таки не зря иногда занимаюсь йогой. Волосы я стянула в высокий хвост, решив, что на пустом заводе меня увидят только охранники на проходной.

Административный корпус «Вектора» в выходной день встретил меня гулкой тишиной. Я поднялась на третий этаж, стараясь шагать тише, но мои кроссовки всё равно издавали мягкий звук по линолеуму. Проходя мимо кабинета Амира,

я замерла. Дверь была приоткрыта.

Внутри горела настольная лампа. Амир стоял у окна спиной к двери. На нем не было привычного пиджака — только темно-серая футболка, облегающая мощную спину и развитые плечи. Я невольно засмотрелась. Его фигура не была просто «подтянутой» — это была фигура спортсмена, привыкшего к тяжелым нагрузкам. Мощная шея, четкий рельеф рук. Он прижимал телефон к уху.

— Послушай, Радмир, — голос Амира звучал непривычно расслабленно. Я впервые слышала, как он смеется — низкий, бархатистый звук, от которого по моей коже пробежали мурашки. — Скажи парням в Москве, что если клиент хочет этот обвес к субботе, надо его достать. Я не для того вкладывал в этот техцентр столько сил, чтобы мы краснели за сроки... Да, Радмир, проверь ту партию масла для тюнинга... Нет, скидок не давать, качество стоит денег. Хорошо, обнял.

Он закончил разговор и на секунду замер, глядя на пустую заводскую площадь за окном. В его позе было столько спокойной уверенности и какой-то мужской харизмы, что я забыла, как дышать. Его разговор, этот тон лидера — он был гораздо глубже, чем просто «присланный варяг». Я поймала себя на том, что люблюсь им. Тем, как уверенно он держит телефон, как перекачиваются мышцы под тонким трикотажем футболки.

Неловко переступила с ноги на ногу, и проклятая массивная дверь предательски скрипнула. Сердце ухнуло в пятки.

А я, как напуганный подросток, рванула по коридору к своему кабинету, юркнула внутрь и привалилась спиной к двери.

Прошло полчаса, когда дверь в мой кабинет медленно открылась. На пороге стоял Амир.

— Эрика Львовна? — он поднял бровь. Его взгляд медленно, почти ощутимо, скользнул по моей фигуре — от хвоста до футболки, которая под его взором стала казаться мне прозрачной. — Не ожидал встретить вас здесь в воскресенье. Неужели работа затянула сильнее, чем личные дела?

Я сглотнула, пытаюсь вернуть себе деловой тон.

— Я не закончила реестр, Амир Русланович. Не люблю начинать неделю с долгов.

— Похвально, — он прошел вглубь комнаты и остановился у моего стола. — Хотя после того совещания в пятницу я думал, вы... возьмете тайм-аут под крылом Вадима Игоревича.

Он произнес имя Вадима с каким-то странным акцентом — не то вопрос, не то завуалированное осуждение.

— Мои отношения с коллегами не влияют на мой КРІ, Амир Русланович, — ответила я, не подтверждая и не опровергая его догадки. — Я здесь, чтобы работать.

— Отношения — нет, а вот репутация — да, — он подошел ближе. Я почувствовала тонкий аромат его парфюма — уже знакомый мне можжевельник и что-то теплое, мужское. — На «Векторе» всегда много глаз. И мне бы не хотелось, чтобы мой менеджер становился героем заводских сплетен

из-за неудачного выбора... союзников.

В его словах сквозила скрытая ревность, такая тонкая, что я не могла понять — кажется мне это или он действительно недоволен тем, что у меня было с Вадимом.

— Мои союзы — это мое личное дело, — тихо, но твердо сказала я.

— Безусловно, — он наклонился к монитору. — Покажите, что успели.

Я начала объяснять, водя курсором по экрану. Амир встал у меня за спиной, совсем близко. Я чувствовала исходящее от него тепло. Он оперся одной рукой о край стола, практически нависая надо мной. В какой-то момент он наклонился ниже, и его лицо оказалось совсем рядом с моими волосами. Он медленно, почти незаметно втянул носом воздух, словно изучая мой запах.

— Вы засиделись, Эрика, — его голос стал тише и как-то глубже. — Посмотрите в окно. Солнце садится.

— Я еще немного поработаю...

— Оставьте. В закупках важно уметь вовремя выходить из боя, чтобы не замылился глаз. У меня через час матч, и я скоро буду выезжать, могу и вас подбросить.

— Я за рулем, спасибо. Вы играете? — я обернулась, и мы оказались лицом к лицу. Так близко, что я видела темные искорки в его зрачках.

— Спорт — единственное, что держит меня в тонусе. Никогда не пропускаю воскресные игры, это помогает выпу-

стить пар, — он едва заметно улыбнулся, и его взгляд снова опустился к вырезу моей футболки, задержавшись там на долю секунды дольше положенного. — И вам советую найти способ сбрасывать напряжение. А не копить его за рабочим столом в выходной день.

Он выпрямился, возвращая себе привычную дистанцию. — Собирайтесь домой, Эрика Львовна. Это приказ начальника. Отчет можно доделать завтра. И... — он сделал паузу у двери, снова окинув меня взглядом. — Спортивный стиль вам идет. Выглядите куда увереннее. Но завтра вернитесь к дресс-коду. Не хочу, чтобы Вадим Игоревич окончательно потерял дар речи при виде ваших... успехов.

Он ушел, оставив меня в звенящей тишине. Я сидела, глядя на экран, и прижимала ладонь к щеке.

Это был флирт? Или он просто испытывал меня на прочность?

Но одно я знала точно: воскресенье удалось. И я впервые за долгое время по-настоящему захотела, чтобы наступил понедельник.

Глава 7. Шаблоны и трещины

Понедельник начался с испытания гардеробом. Я выудила из шкафа бордовое платье-футляр из плотной ткани. Оно было строгим, но идеально подчеркивало цвет глаз и не имело ничего общего с той серой тряпкой, которую я привыкла носить как щит.

На проходной я чувствовала себя иначе. Спина прямая, взгляд выше линии горизонта. Но стоило мне дойти до перехода между корпусами, как чья-то рука резко перехватила мой локоть и затащила в нишу за колонной.

— Ты совсем потеряла связь с реальностью? — Вадим буквально шипел, его лицо было бледным от ярости. — Что ты делала здесь в воскресенье, Эрика? Мне охрана доложила, что ты провела на заводе три часа. С ним?

Я попыталась вырваться, но он сжал пальцы сильнее.

— Вадим, отпусти. Ты ведешь себя как безумец. Я была на работе, занималась реестром. И с каких пор тебе докладывает охрана о моих перемещениях.

— На работе? В воскресенье? Ты всегда ненавидела этот завод, ты считала минуты до конца смены! — он придвинулся почти вплотную, и я почувствовала его тяжелый парфюм, который теперь казался мне удушливым. — Ты решила по-

играть в карьеристку, чтобы быть поближе к Шарафутдинову? Думаешь, он оценит твоё рвение? Для него ты — расходный материал. Он поиграет и выбросит тебя, а я... я предлагал тебе реальное будущее!

— Реальное будущее в твоей спальне по расписанию? — я наконец выдернула руку. — Хватит, Вадим. Ты не мой муж и даже не мой босс. Иди и занимайся своими продажами, у вас там, судя по всему, дел невпроворот.

Я ушла, не дожидаясь ответа, хотя спиной чувствовала его испепеляющий взгляд. Ноги подкашивались, но я заставила себя зайти в отдел закупок с невозмутимым лицом.

Амир весь день не появлялся.

— Уехал в командировку на три дня, — сухо бросила Маргарита Степановна, та самая женщина с седым пучком. — К поставщикам в Челябинск. Оставил тебе задание — проверить спецификации по новому тендеру.

Первый день без Амира прошёл странно. Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к звукам в коридоре, ожидая услышать его тяжёлый, уверенный шаг. Кабинет за стеной молчал, и это молчание давило.

Перелом в отношениях с коллегами случился во вторник. Мы втроем бились над сложной заявкой: поставщик электроники внезапно задрал цены, ссылаясь на логистику. Маргарита Степановна была в ярости, а второй менеджер, молодой и вечно сонный парень по имени Денис, только разводил

руками.

— А если попробовать схему с пересортицей через их филиал в Казани? — подала я голос. — Я в продажах сталкивалась с ними. У них там другое юрлицо, и на них старые прайсы еще действуют.

Маргарита Степановна медленно подняла очки на лоб.

— А ты откуда знаешь про их филиал?

— Вадим... то есть, в отделе продаж проходила такая информация, — я чуть не споткнулась на имени бывшего.

Мы просидели над этим три часа. Когда схема сработала и нам удалось сохранить прежнюю цену, Маргарита Степановна впервые за всё время поставила передо мной кружку крепкого чая.

— А ты не просто «красивое дополнение», — хмыкнула она. — Знаешь, Эрика, Амир Русланович не любит случайных людей. Если он тебя взял, значит, что-то разглядел. Он ведь в Москве таких зубров тренировал, что наши местные коррупционеры перед ним — дети малые.

Маргарита Степановна была закупщик с огромным опытом и проработала на этом заводе с самого его основания,

она пережила смену руководства за руководством за все это время, поэтому ее мнению можно было доверять.

К четвергу Вадим стал тенью, которая преследовала меня повсюду. Он выловил меня в столовой, сев за мой столик, из-за чего мне пришлось уйти, не доев. А после обеда, когда я спустилась на склад, чтобы лично проверить наличие линз, он преградил мне путь между высокими стеллажами.

— Эрика, нам нужно закончить разговор, — он выглядел измотанным, но решительным. — Ты заблокировала мой номер. Это по-детски. Я не могу работать, зная, что ты где-то здесь, рядом, и так себя ведешь. Пойдем ко мне, поговорим спокойно.

Он схватил меня за плечи, пытаясь притянуть к себе. Темнота склада и тишина напугали меня.

— Вадим,пусти! Мне больно!

— Я просто хочу, чтобы ты меня услышала! — он почти кричал, теряя контроль.

— Вадим Игоревич, кажется, у вас в отделе продаж всё настолько идеально, что вы проводите рабочее время на складах, занимаясь... психологической разгрузкой сотрудников? — холодный, как арктический лед, голос разрезал тишину.

Вадим мгновенно сделал шаг назад. В проходе стоял Амир. В дорожном костюме, с сумкой через плечо, он выглядел уставшим после командировки, но его взгляд был опас-

ным. Он не кричал, не лез в драку, но от его присутствия пространство вокруг Вадима словно сжалось.

— Мы просто... обсуждали старые накладные, — Вадим попытался вернуть себе вальяжный вид, но голос его дрогнул.

— Накладные не обсуждают, вцепившись в плечи сотрудника, — Амир сделал шаг вперед, становясь между мной и Вадимом. — Я жду отчет по квартальным планам вторую неделю. Были бы вы энергичны в его написании, как в этом... диалоге.

Вадим, бросив на меня полный ненависти взгляд, быстро ретировался. Я стояла, прижавшись спиной к стеллажу, и пыталась унять дрожь.

— Вы в порядке, Эрика Львовна? — Амир повернулся ко мне. Его взгляд смягчился, в нем промелькнуло что-то похожее на заботу, но он тут же скрыл это за маской профессионализма.

— Да, спасибо. Я просто...

— Идемте со мной. У меня есть для вас серьезная задача. Нужно доработать шаблон генерального договора, который прислали юристы. Они превратили его в юридический лабиринт, а нам нужен инструмент, который поймет любой поставщик.

Мы поднялись в его кабинет. Там всё еще пахло его командировкой и кофе. Мы сели за один стол — он с ноутбуком, я с распечатками.

— Смотрите, — он пододвинулся ближе, указывая на пункт о госзакупках. — Здесь скрыта ловушка. Если мы не пропишем жесткие сроки по ФЗ-44, нас оштрафуют раньше, чем мы увидим товар.

Он начал объяснять мне тонкости законодательства, и я неожиданно для себя втянулась. Он говорил просто о сложном, иногда вставляя ироничные замечания о юристах.

— Амир Русланович, а вы всегда такой... системный? — спросила я, когда мы закончили обсуждать десятую страницу.

— Жизнь научила, — он улыбнулся, и в уголках его глаз появились мелкие морщинки. — В хоккее, если ты не видишь схему игры, тебе быстро объяснят это ударом об борт. А в бизнесе — ударом по кошельку.

— Значит, вы не только машины любите, но и лед? — я вспомнила его разговор с Радмиром.

Он удивленно поднял бровь.

— Откуда знаете про машины?

— Случайно услышала в воскресенье... про масло и карбон, — я покраснела.

Он рассмеялся, откидываясь в кресле.

— Подслушивать нехорошо, Эрика Львовна. Но раз уж вы в курсе — да, машины — это моя страсть, а хоккей — моя терапия. А вы? Чем лечите душу, когда заводы и спецификации встают поперек горла?

— Кожанные портмоне, — ляпнула я и тут же захотела провалиться сквозь землю. — И глина. Мастер-классы. Пытаюсь создать что-то, что не нужно согласовывать с военным представительством.

Амир посмотрел на меня очень внимательно, и в его взгляде не было ни капли насмешки.

— Это важно — иметь что-то свое, — тихо сказал он. — Что-то, что нельзя отнять или регламентировать. Ладно, на сегодня хватит. Вы хорошо поработали. И... Эрика?

— Да?

— Если Вадим Игоревич снова решит обсудить «наклад-

ные», скажите ему, что теперь все ваши документы проходят через мою личную визу. Думаю, это остудит его пыл.

Я вышла из кабинета с глупой улыбкой на губах. Впервые за долгое время я чувствовала, что я не «удобный вариант», а часть команды. И, кажется, я начинала привыкать к запаху можжевельника в этом кабинете, а также к тому что он называет меня просто по имени. Пусть это была просто забота о подчиненном, мне все равно было тепло в душе даже от такого внимания.

Глава 8. Секретный пассажир и мороженое на набережной

Следующие две недели пролетели в режиме «турбо». Мы с Амиром каждое утро начинали с обсуждения генерального договора. Это стало нашей личной традицией: десять минут на кофе и полчаса на яростные споры о пунктах ответственности. Я видела, как он зачеркивает мои правки, а потом, иногда, спустя день, возвращает их, признавая мою правоту. Это пьянило сильнее любого вина.

Постепенно я начала брать на себя задачи, которые выходили за рамки обязанностей менеджера.

— Эрика, подготовьте график оплат для финансового директора. И проверьте почту по тендеру на электронику, я не успеваю, — бросал он, не отрываясь от телефона.

Я не спорила. Напротив, мне нравилось чувствовать себя его правой рукой. Мы работали слаженно, как детали одного сложного механизма. Он обучал меня теории госзакупок, объяснял разницу между ФЗ-44 и 223 так доходчиво, что даже юридические дебри казались прогулкой по парку. Мы все чаще задерживались, обсуждая не только работу, но и музыку или его привычку всегда проверять давление в шинах пе-

ред выездом.

Но идиллия закончилась объявлением: через неделю на «Вектор» прибывает аудит из управляющей компании.

— Всем выйти в воскресенье, — распорядился Амир на летучке. — Документация должна быть идеальной.

И тут у меня возникла проблема по имени Вероника. Моя подруга Лиза позвонила в слезах: ей назначили полное обследование в больнице именно на это воскресенье, родители на даче, готовятся к сезону, приедут только в понедельник, а пятилетнюю Нику оставить абсолютно не с кем. Вроде не критичная ситуация, но она требовала разговора с руководством.

Я полчаса мерила шагами кабинет, прежде чем постучать к Амиру.

— Амир Русланович, у меня... деликатная ситуация, — я замялась, глядя на его сосредоточенное лицо.

Он поднял взгляд, иронично выгнув бровь.

— Вы хотите сказать, что в воскресенье у вас внезапно разболится зуб?

— Нет, я очень хочу присутствовать на подготовке. Но мне не с кем оставить пятилетнюю дочь подруги. Лиза в

больнице, а... в общем, я прошу разрешения провести ребенка на территорию завода.

Амир замер. На его лице отразилась целая гамма чувств: от шока до осознания того, что я прошу его нарушить строжайший режим оборонного предприятия.

— Ребенка? На режимный объект? Эрика, вы понимаете, что за это серьезное нарушение... — он осекся, глядя в мои умоляющие глаза. — Ладно. В восемь утра буду у вашего дома. Провезу её в машине. У меня тонировка, на проходной машину не досматривают. Но если этот ребенок разнесет отдел закупок — вы уволены.

Воскресное утро началось с того, что Амир на своем черном внедорожнике припарковался у моего подъезда. Вероника, в розовом комбинезоне и с рюкзачком-зайцем, была в восторге.

— Дядя, а вы настоящий босс? — спросила она, когда мы уселись в кожаный салон, пахнувший дорогим деревом и Амиром.

— Настоящий, — серьезно ответил он, поглядывая на неё в зеркало заднего вида. — А ты, значит, секретный агент?

— Да! И я умею тихо сидеть, если мне дадут раскраску! По пути на завод они пикировались. Ника спрашивала,

почему у него такая большая машина, а Амир с поразительным терпением объяснял, что это «для имиджа и проходимости». Я сидела рядом, чувствуя, как внутри всё тает от этой милой и абсурдной картины.

На заводе всё прошло удивительно гладко. Ника оказалась на редкость дисциплинированным «агентом». Все заранее обговоренные условия она соблюдала, как и обещала. Большую часть времени она помогала Маргарите Степановне раскладывать скрепки по цветам и клеить стикеры на папки. Коллектив, поначалу опешивший от присутствия ребенка, быстро оттаял. Даже суровая Маргарита Степановна угостила её печеньем.

— Смотри-ка, Амир Русланович, — шепнула мне она, кивнув на босса. — Никак не нарадуется на девчущку. А ведь делает вид, что сухарь сухарем.

Амир действительно периодически поглядывал на Нику, и в его взгляде не было привычного холода. Он держался отстраненно, но когда Ника подошла к нему с «важным вопросом» о том, где у принтера вылетают листочки, он поднял её на руки и всё показал.

В семь вечера, когда отдел был готов к аудиту, мы начали собираться. Поскольку я не отмечалась на проходной утром, выходить мне пришлось так же — «контрабандой».

— Дядя Амир, а мы поедem на набережную? — вдруг спросила Ника, когда мы выехали за ворота. — Мама гово-

рила, там сегодня наверно выступают акробаты! И мороженое! У меня нет папы, чтобы меня свозить, а Эрика устала...

Я похолодела. Прием «у меня нет папы» Вероника освоила в совершенстве.

Амир бросил на меня короткий взгляд, в котором читалось: «Ну и во что ты меня втравила?», но вслух сказал:

— Акробаты — это серьезно. Нельзя пропускать акробатов.

Он вполне мог чувствовать вину за то, что вытащил сотрудников в выходной день на работу, поэтому решил уступить в маленькой просьбе Лизиной дочери, чтобы возместить потраченное личное время, которое я могла посветить полностью этому ребенку. Как иначе ещё объяснить это его согласие.

Вечер на набережной был волшебным. Мы гуляли втроем, ели мороженое, смотрели на уличных артистов. Амир даже пострелял в тире, выиграв Нике огромного плюшевого медведя. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что прохожие вероятно видят в нас семью. И эта мысль не испугала меня, а наполнила странным, тягучим теплом. Мне понравилась эта роль. Очень жаль, что это временно. Я очень хотела полноценную семью, как у своих родителей. Они растили меня в любви и заботе. Я звонила им не реже раза в неделю,

и каждый раз убеждалась в том, что они создали чудесную атмосферу, не смотря на финансовые трудности, и сохраняли ее всквозь года. Я кажется соскучилась по ним, обязательно надо будет организовать поездку в деревню, как только освоюсь на новом месте и смогу урвать пару дней на отгул.

Когда Амир привез нас к моему дому, Ника уже спала на заднем сиденье, обнимая медведя. Он помог мне донести её до квартиры. В прихожей, когда я приняла у него спящего ребенка, возникла та самая неловкая пауза.

Я смотрела на него — взъерошенного, уставшего, с пятном от мороженого на рукаве дорогой футболки. Мне так хотелось сказать: «Останься на чай. Побудь еще немного». Моё тело, истосковавшееся по близости и теплу, буквально кричало об этом. Я все так же испытывала дрожь рядом с ним, но теперь к ней еще добавилось и томительное желание.

— Спасибо за день, Амир, — тихо сказала я, пытаюсь отогнать наваждение.

Он посмотрел на мои губы, затем в глаза. На мгновение мне показалось, что он сейчас сделает шаг навстречу.

— Доброй ночи, Эрика. Завтра аудит. Будьте в форме, — он коротко кивнул, развернулся и быстро пошел к лифту.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. Внутри было пусто и горько. Почему он так легко уходит? Почему я чув-

ствую себя школьницей, которая ждет внимания от самого крутого парня в классе?

«Это просто гормоны и усталость», — убеждала я себя, укладывая Нику. — «Просто у меня давно не было секса, и я проецирую свои желания на первого встречного... босса».

Но сердце знало: дело не в сексе. Дело в том, что этот «сухарь» только что подарил ребенку праздник, а мне — надежду на то, что жизнь может быть не только «по траектории», но и по любви.

Глава 9. Шелк и пепел

Понедельник ворвался в мою жизнь с горьковатым, почти осязаемым привкусом ностальгии. Это было странное чувство — смесь благодарности за вчерашний день и щемящей пустоты, которая обычно наступает после слишком ярких праздников. Когда я передавала Веронику, только что вырванную из объятий сна, её бабушке и дедушке, вернувшимся из загородной поездки, малютка внезапно замерла. Она потерла кулачками заспанные глаза и, смешно наморщив нос, пробормотала про забытого в машине Амира плюшевого зверя:

— Эрика, а когда мы снова поедem к дяде Амиру за медведем? Он обещал, что медведь будет охранять мои сны, а сам остался в большой черной машине...

Моё сердце болезненно сжалось, совершив кульбит где-то в районе солнечного сплетения. Я выдавила из себя что-то неопределенное, ласково пригладив её вихры, но всё утро в голове, словно заезженная киноплёнка, крутились кадры вчерашнего вечера. Низкий смех Амира, его сильные, уверенные руки, почти небрежно держащие руль огромного внедорожника, и то, как он смотрел на меня в колеблющемся свете фонарей набережной. В этом взгляде не было ни капли той ледяной дистанции, к которой я привыкла в цехах завода. На меня смотрел мужчина, которому я была чертовски,

до пугающей дрожи интересна.

Собираясь на работу, я непривычно долго замерла перед зеркалом. Выбор пал на широкие графитовые брюки, которые придавали походке весомость, и жемчужно-серую шелковую блузку. Ткань, едва коснувшись кожи, отозвалась прохладным ласковым трепетом, подчеркивая каждый мой вдох и выдох. Шелк был как вторая кожа — уязвимая, но безупречная. Я поймала себя на мысли, что отчаянно, почти до безумия хочу ему понравиться. И тут же одернула себя, словно получила пощечину: «Эрика, остынь. Ты только что с корнем вырвалась из липкого капкана Вадима, не смей прыгать в новый, даже если он пахнет дорогим парфюмом».

Но пальцы всё равно тянулись к флакону духов, а в отражении я видела тот самый блеск в глазах, которого там не было долгие, выматывающие годы. Блеск надежды.

Аудиторская группа из управляющей компании прибыла ровно в десять, и с этого момента мир вокруг превратился в идеально отлаженный, но бездушный механизм. Следующие три дня стали настоящим марафоном на выживание. Проверки, бесконечные отчеты, сверки, толмуты спецификаций... Я спала по четыре часа из-за переживаний, живя на одном адреналине и литрах горького кофе. Завод гудел, как потревоженный улей, и в этой суете я видела Амира лишь мельком — он был сосредоточен, собран и снова непроницаем, как гранитный монолит.

Вадим же мелькал в коридорах, как назойливая, печаль-

ная тень прошлого. В один из моментов, когда я несла пачку документов через переход между корпусами, он преградил мне путь. В его взгляде уже не было той самоуверенной ярости, что в последнюю нашу встречу— осталась только какая-то тягучая, липкая тоска, которая пыталась затянуть меня обратно в болото привычного разочарования.

— Я тебя перестал узнавать, — тихо произнес он, и в его голосе прозвучало столько безнадежности, что мне на долю секунды стало его почти по-человечески жаль. — Раньше ты была моей... понятной, почти домашней. А сейчас ты словно чужая. Неужели эти цифры, этот цех и новый босс стоят того, чтобы так легко, одним махом вычеркнуть три года? Я ведь скучаю, черт возьми.

Он протянул руку, словно хотел коснуться моей щеки, сократить пространство между нами, но я отступила. Резко, без колебаний.

— Дело не в боссе, Вадим. Дело во мне. Я просто больше не хочу быть частью чьего-то интерьера. Я больше не хочу быть «твоей». Я хочу принадлежать только себе.

— Ты совершаешь ошибку, — прошептал он, и в его глазах снова вспыхнуло это мелкое, удушливое собственничество, густо замешанное на боли уязвленного самолюбия. — Шарафутдинов... такие, как он, не умеют просто любить. Они не видят людей. Они только управляют процессами. Он тебя сломает, Эрика, и даже не заметит, как это произошло.

Я не ответила. Мне нечего было сказать призраку из про-

шлого, который так и не понял, что я уже давно вышла из его игры.

В среду вечером всё было кончено. Аудиторы подписали финальный акт — наш отдел прошел проверку успешно. Это была общая победа, и после того как мы в кабинете наскоро отметили это событие магазинным тортиком, Амир коротким, властным жестом пригласил меня к себе.

В его кабинете царила тишина, густая и теплая. За огромным окном медленно догорал закат, окрашивая тяжелые бархатные шторы в глубокие багровые тона. Воздух был пропитан запахом успеха и терпкого коньяка, который Амир уже разлил по двум бокалам.

— За успех, Эрика Львовна. Вы превзошли мои самые смелые ожидания, если говорить честно. Я искренне рад, что вы вовремя сменили курс и пополнили ряды моего отдела.

Мы выпили молча. Янтарная жидкость обожгла горло, принося с собой долгожданное расслабление. Напряжение последних безумных дней начало медленно отпускать, сменяясь приятной, обволакивающей легкостью.

— Я принял решение, — Амир поставил бокал на полированную поверхность стола и подошел ближе. Расстояние между нами сократилось до предела, и я снова почувствовала этот магнетизм, исходящий от него. — Ваш испытательный срок окончен. А с завтрашнего дня вы официально моя помощница по стратегическим вопросам. Я уже отдал распоряжение о повышении вашего КРІ и оклада.

Я почувствовала, как волна чистой, детской радости затопливает меня.

— Спасибо, Амир... Это действительно важно для меня. Намного важнее, чем вы думаете.

— Это заслуженно, — он наклонился к столу, чтобы показать мне проект приказа. Я тоже инстинктивно подалась вперед, желая взглянуть на документ. Наши руки случайно, на мгновение соприкоснулись — его теплая, сухая кожа прижалась к моему запястью, там, где тонко пульсировала вена.

И в этот микроскопический миг время просто перестало существовать.

Я замерла, боясь даже вздохнуть, боясь пошевелиться. От места этого случайного касания по всему телу пробежал мощный электрический разряд, заставляя волоски на руках подняться. Я медленно подняла взгляд и буквально утонула в его глазах. Сейчас в них не было того привычного льда или профессиональной строгости — там бушевал настоящий шторм. Темная, первобытная стихия, которая не поддавалась никаким регламентам. Я видела в его зрачках свое отражение и немую, отчаянную борьбу человека, привыкшего всегда и во всём держать контроль. Амир не убирал руку. Его пальцы чуть заметно дрогнули, и я физически ощутила, как между нами натягивается невидимая, раскаленная струна. Казалось, еще секунда — и она лопнет со звоном, разрушая всё вокруг.

В его взгляде читалось невыносимое противоречие: он хотел сделать шаг навстречу, его тянуло ко мне с какой-то сокрушительной, животной силой, но что-то глубоко внутри — старая, заржавевшая установка, ледяные принципы или какая-то запрятанная на самом дне души боль — заставляло его сопротивляться этому порыву.

Вдруг Амир резко, почти грубо, отстранился. Он сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки. Его лицо в мгновение ока, словно по команде, превратилось в каменную, непроницаемую маску. Монолит вернулся на свое место.

— Поздно уже, — его голос стал сухим, отчужденным, как официальный запрос. — Идите домой, Эрика Львовна. Завтра будет много текущих дел. Больше не задерживаю.

— Амир? Что-то случилось? — я растерянно смотрела на него, всё еще ощущая на коже обжигающий жар его прикосновения.

— Всё в порядке, — отрезал он, резко отвернувшись к окну и заложив руки за спину. — Просто соблюдение субординации — залог долгой и успешной карьеры. Доброй ночи.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя так, словно меня с размаху выставили на лютый мороз прямо в этой тонкой шелковой блузке. Внутри всё дрожало от обиды и непонимания. Я понимала: он испугался. Но испугался он не меня — он испугался того, что позволил себе почувствовать. Он поставил работу, свои амбиции и этот чертов «порядок» выше того живого, что только что вспыхнуло между нами.

«Он не просто сухарь», — думала я, спускаясь к парковке и кутаясь в пальто. — «Он человек с железными, калечащими принципами».

И эта его внезапная, выверенная холодность ранила меня сейчас куда сильнее, чем все ядовитые и грязные слова Вадима вместе взятые за все три года. Пепел вчерашнего счастья засыпал шелк моей надежды. Шторм был подавлен, но я знала: он никуда не исчез. Он просто затаился в глубине этого ледяного монолита.

Глава 10. Встречный ветер

Следующие несколько дней превратились в добровольную пытку. Амир Русланович воздвиг между нами такую стену профессионализма, что об неё можно было расшибить лоб. Никаких случайных касаний, никаких разговоров о хоккее или машинах. Только «Эрика Львовна», «подготовьте спецификацию», «завизируйте у юристов». Был единственный момент слабости, когда с легкой грустью он передавал мне забытого в его машине мишку.

Он даже перестал смотреть мне в глаза. Его взгляд теперь всегда скользил чуть выше моей головы или замирал на бумагах. Я чувствовала себя так, словно меня перевели в режим «невидимки». Это ранило, но я решила, что не дам ему повода усомниться в моей полезности. Если он хочет видеть во мне только функцию — он получит идеальную функцию.

Я погрузилась в работу с головой, разгребая завалы, до которых у Амира не доходили руки. Я стала приходить раньше него и уходить позже, заменяя личную близость профессиональной незаменимостью.

А в четверг утром на моем столе красовался огромный букет алых роз. Тяжелый, пафосный и совершенно неуместный в строгом интерьере нашего отдела. В бутонах торчала записка: «Эрик, давай просто поужинаем. Сегодня в семь. Я заеду за тобой. В.»

Я смотрела на эти цветы с глухим раздражением. Вадим всё еще верил, что меня можно «откатить» к старым настройкам с помощью охапки роз. Но цветы были красивы, к тому же они ни в чем не виноваты, и я решила оставить букет, несмотря на отторжение самого дарителя. И конечно же я понимала, что его может увидеть и Амир. Он часто заглядывал в наш кабинет. Зайдя впервые за день, он сразу уставился на розы, которые занимали половину моего стола и бросались в глаза. В его глазах что-то полыхнуло — быстро, как короткое замыкание, — и тут же погасло.

— У вас сегодня праздник, Эрика Львовна? — голос был сухим, как осенний лист. — Надеюсь, аромат роз не мешает вам сосредоточиться на контракте с челябинским заводом.

— Это просто цветы, Амир Русланович.

— Ваше личное дело, — он равнодушно пожал плечами и прошел в свой кабинет. — Кстати, я уезжаю в Москву на пару дней. Личные вопросы. Все оперативные задачи на вас. Если случится форс-мажор — звоните, но только в крайнем случае.

Он уехал через час, даже не попрощавшись.

А «крайний случай» наступил на следующее же утро. Главный поставщик высокоточной оптики прислал уведомление о расторжении договора в одностороннем порядке из-

за «изменившихся условий логистики».

Я три часа не вылезала из телефона, уточняя нюансы. Амир в Москве, на звонки не отвечает (видимо, занят тем самым Радмиром или делами техцентра), и ответственность давила на плечи бетонной плитой. Я вспомнила всё, чему он меня учил. Я нашла их слабое место — пункт в допсоглашении, который мы с Амиром дорабатывали вместе с юридическим отделом.

Я не звонила ему. Обсудила все с сотрудниками нашего отдела, проконсультировалась с юристами и в сопровождении одного из них поехала к представителю проблемного поставщика, выложила на стол документы и, глядя прямо в глаза, пообещала такие судебные издержки и огласку в министерстве, что они побледнели.

К вечеру субботы у меня на почте лежало подтверждение отгрузки по старым ценам. Я победила. С поддержкой отдела, но приложив при этом немало своих собственных усилий.

Амир вернулся в понедельник. Он выглядел отдохнувшим, но каким-то... закрытым. Я ждала хотя бы короткого «спасибо» за спасенный контракт, но он лишь кивнул.

— Хорошая работа, Эрика Львовна. Кстати, я привез из Москвы усиление для нашего отдела. Пойдемте, представлю.

В приемной стояла девушка. Тонкая, как тростинка, в безупречном белом костюме, который на ней сидел как вторая

кожа. Идеальное каре, острые скулы и взгляд уверенной в себе хищницы.

— Знакомьтесь, это Карина. Она будет курировать направление тендеров и помогать мне с аналитикой. Мы работали вместе в Москве, она — один из лучших специалистов, которых я знаю.

Карина улыбнулась Амиру — так, как улыбаются старым знакомым, с которыми связывает что-то большее, чем просто графики.

— Привет, — она протянула мне руку с безупречным маникюром. — Амир много рассказывал о твоём «рвении». Надеюсь, мы сработаемся.

Внутри меня что-то с грохотом обвалилось. «Рвение»? Это всё, что он ей рассказал?

Весь день я наблюдала, как Карина легко заходит в его кабинет без стука, как они обсуждают что-то на «ты» и как он, черт возьми, ей улыбается. Той самой теплой улыбкой, которую я считала особенной.

Вечером я влетела к Лизе, едва сдерживая слезы.

— Всё, Лиза, это официально. Я — просто ценный инвентарь! — я с грохотом поставила сумку на стол и рухнула на стул, даже не сняв плащ. — Как дырокол или старый ксерокс.

Полезная, надежная, со «рвением»!

Лиза, которая в это время спокойно нарезала сыр, даже не вздрогнула. Она молча достала второй бокал и плеснула в него вина.

— Так, судя по децибелам, наш ледяной принц совершил акт несправедливости? Что случилось?

— Он привез «усиление» из Москвы. Карину, — я выплюнула это имя, как горькую косточку. — Ты бы её видела. Белый костюм, на котором, кажется, даже пылинки боятся оседать. Каре — волосок к волоску. И манеры... Она заходит к нему в кабинет без стука! Она говорит ему «ты»! А меня она похлопала по плечу и сказала: «Амир много рассказывал о твоём рвении». Рвении, Лиза! Я что, спаниель на охоте?

Лиза медленно подняла бокал, лукаво прищурившись.

— И почему нас это так задевает? Ну, приехала коллега, ну, они на «ты», они же в Москве вместе работали. Это просто старые рабочие связи, Эрик. Тебе-то какая печаль? Ты получила должность, тебе подняли оклад. Радуйся.

— Я радуюсь! — я чересчур громко звякнула бокалом о стол. — Но это просто непрофессионально! Мы тут пашем, аудит зубами выгрызаем, я в выходные на заводе живу, а тут является эта... и ведет себя так, будто она тут хозяйка, а он — её личный ассистент. Это просто... обидно за отдел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.